

Неподалеку от Перша³⁶³ жили два дворянина; с самого детства они были такими неразлучными закадычными друзьями, что все у них было общим: и сердце, и дом, и постель, и стол, и кошелек. Дружба эта длилась очень долго, и ни один из них ни разу не захотел того, чего бы не захотел другой, и не сказал ни одного слова, с которым тот был бы не согласен. Это были даже не два брата, а одно нераздельное существо. Один из них, правда, женился, но это не помешало им сохранить прежнюю дружбу и жить вместе так, как они привыкли.

И когда ночевать им приходилось в тесной комнате, все трое укладывались вместе спать,³⁶⁴ причем женатый ложился посередине. Состояние у них было общее, и ни женитьба одного, ни какие бы то ни было иные обстоятельства не могли помешать им хранить верность друг другу. Но все же через некоторое время счастье, которое в этом мире никогда не бывает постоянным, покинуло и этот, слишком уж счастливый дом. Муж потерял доверие к другу без всякого к тому повода – как с его стороны, так и со стороны жены; от жены он этого не скрыл и наговорил ей много обидного. Женщину это крайне поразило, ибо сам же он приказал ей не делать никакого различия между ним и его другом ни в чем, кроме одного, а теперь вдруг запретил ей даже говорить с ним наедине. Она рассказала об этом их другу, который сначала ей не поверил, ибо в действительности у него и в мыслях не было чем-нибудь огорчить приятеля. И так как он никогда ничего не скрывал от своего женатого друга, он рассказал ему все это, прося рассеять его сомнения, ибо не хотел ни по этой причине, ни по какой другой порывать узы дружбы, которые так давно их связывали. Тот, однако, уверил его, что он никогда ничего худого не думал и что люди, которые подняли весь этот шум, – сплетники и лжецы.

– Я знаю, что ревность – чувство столь же непреодолимое, как и любовь, – сказал его друг, – и если чувство это возникло у тебя даже ко мне, я за это на тебя не в обиде, ведь устоять перед ним нельзя. Мне обидно только, что ты хотел скрыть от меня свой недуг, хотя до этого никогда не скрывал от меня ни мысли, ни чувства, ни побуждения. То же самое относится и ко мне; если бы я влюбился в твою жену, ты не должен бы был приписывать это злему умыслу, ибо любовь – это пламень, потушить который не в наших силах. Но если бы я скрыл его от тебя и стал бы добиваться расположения твоей жены, я был бы самым вероломным из друзей. Со своей стороны, могу тебя уверить, что жена твоя – женщина порядочная и весьма достойная, но я знал ее еще до того, как она вышла за тебя замуж, – и, по правде говоря, она никогда мне особенно не нравилась. Но если у тебя явится даже самое ничтожное подозрение без всякого к тому повода, скажи мне, чтобы я стал осмотрительнее и наша дружба, которая длится так долго, не порвалась из-за женщины. И знай, если бы я даже любил ее больше всего на свете, я ни словом бы не обмолвился ей об этом, ведь честь твоя мне дороже всего другого.

Друг его дал ему торжественную клятву, что у него никогда этого и в мыслях не было, и попросил его никуда не уезжать из их дома.

– Хорошо, – ответил тот, – но только знай, что если после нашего разговора ты все-таки будешь подозревать меня и скроешь от меня свои чувства, я больше ни за что не останусь у тебя в доме.

Некоторое время оба они продолжали жить, как раньше, но только женатым снова овладела подозрительность, еще более сильная и он приказал жене, чтобы она не глядела на друга так, как глядит. Она сказала об этом их другу и попросила того больше не говорить с ней, ибо ей не велено ему отвечать. И когда друг узнал из слов и из поведения ее мужа, что тот не сдержал своего обещания, он сказал ему в гневе:

– Если ты ревнуешь, то это вещь вполне естественная, но после всех твоих клятв я не могу примириться с тем, что ты так тщательно от меня это скрываешь, я ведь всегда думал, что между нами нет никаких посредников и преград. К моему большому огорчению, однако, я вижу, что это не так, хоть я тут и ни при чем. Ты не только ревнуешь свою жену ко мне, но хочешь еще скрыть от меня свою ревность, и недуг твой длится так долго, что превращается в ненависть. И так же, как любовь наша друг к другу не знала себе равной, неприязнь наша станет смертельной. Я сделал все,

³⁶³ *Перш* – старинное французское графство недалеко от провинций Анжу и Мен.

³⁶⁴ В описываемое время это случалось сплошь и рядом; кровати были столь широки, что в них вместе с хозяевами могли лечь несколько гостей.